

Политическая социология

© 2001 г.

Э.И. СКАКУНОВ

ПРИРОДА ПОЛИТИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ

Проблемы объяснения

СКАКУНОВ Эдуард Иванович - доктор юридических наук, директор Института анализа и управления конфликтами и стабильностью.

Тема политического насилия выступает предметом самых острых современных дискуссий. В первую очередь обсуждаются соответствующие вопросы, связанные с реальными процессами цивилизационного развития, конфликтами. Между тем, в рамках отдельных общественных наук - социальной психологии, политологии, социологии и системной теории, сложились различные подходы к объяснению данного феномена, кажущиеся несовместимыми и создающие определенные сложности в его понимании.

Психологические подходы к объяснению природы социальных процессов и конфликтов, постулируя биологическую, генетическую или эволюционную предрасположенность человека к актам агрессивного поведения, обнаруживают источник социального насилия во внутренних психологических процессах человека, детерминирующих в конечном счете его социальное, в том числе с участием государства, поведение [1, р. 11-13].

В политической науке эта традиция связывается обычно с именем Томаса Гоббса, утверждавшего, что "естественное состояние людей - это война всех против всех" и объяснявшего этим необходимость концентрации власти в руках государства, потребность в послушании, лояльности, согласии, обязательствах, обязанностях и дисциплине. Позднее психологическая концепция З. Фрейда, заложившая основы так называемой *концепции драйва* (влечения) в изучении насилия, укрепляла убежденность в том, что агрессивное поведение человека является рудиментом его животного прошлого, проявлением подсознательных, а по сути врожденных, инстинктивных структур психики [2, р. 102]. Фрейд считал, что эволюция общества обязана диалектике взаимодействия, но не экономических классов, а любви и смерти, эроса и разрушения, и прогресс лишь сглаживает формы проявления агрессивных тенденций.

Несколько иным предстает анализ коллективного насилия в *социально-психологических* категориях. Здесь агрессия - это не автоматически возникающее в недрах человеческого организма инстинктивное влечение, а следствие *фрустраций*, т.е. препятствий, возникающих на пути целенаправленных действий субъекта, осуществления его намерений, интересов. *Агрессия* при этом определяется как поведение, направленное на причинение ущерба, физического либо иного, тем, кто ассоциируется с источником *фрустраций*. Несколько важных соображений в этом направлении внес Фешбах,

---

В статье частично использованы материалы выполненного в 1996 г. в Институте анализа и управления конфликтами и стабильностью исследования "Модель механизма политического насилия", в котором под руководством автора приняли участие С.А. Афонцев, С.Г. Туронк, Д.Д. Бекоева и С.Л. Скороходов.

разграничивший *экспрессивную, враждебную и инструментальную агрессию* [3]. Экспрессивная агрессия представляет собой произвольный взрыв гнева и ярости, нецеленаправленный и быстро прекращающийся, причем источник нарушения спокойствия не обязательно подвергается нападению. Целью враждебной агрессии является, главным образом, нанесение вреда другому, в то время как инструментальная агрессия направлена на достижение цели нейтрального характера, а насилие используется при этом лишь в качестве индивидуально или социально мотивированного средства.

Концепция депривации (лишения), будучи производной от теории фрустрации-агрессии, сыграла важнейшую роль в развитии современного теоретического анализа причин феномена насилия: члены одной группы — расовой, религиозной, этнической или экономической — способны на насилие, когда они, сопоставляя свое положение с членами другой группы, испытывают депривацию. Первоначально различались три типа относительной депривации: *эгоистическая* депривация выражает ощущение личной ущемленности в сравнении с членами другой группы; *общинная* депривация имеет коллективную природу, соотносится с ощущением групповой ущемленности (хотя индивиды лично могут быть удовлетворены) в сравнении с другой группой. Наконец, *двойная* депривация представляет собой одновременное сочетание эгоистической и общинной.

Одна из наиболее авторитетных версий концепции депривации представлена Т. Гурром, который объяснял *относительную депривацию* через ценностные позиции ожиданий и возможностей коллектива, или любой субструктуры общества [4]. Опираясь на понятие относительной депривации, Гурр различал три типа ситуаций. *Декрементальная депривация* означает, что групповые ценностные ожидания сохраняются на прежнем уровне, в то время как достижимые ценностные позиции (возможности) группы значительно сокращаются: фрустрация связана с тем, что люди осознают неспособность более достигать (сохранять) позиции, прежде воспринимаемые как обоснованно принадлежащие им. *Аспирационная депривация* имеет место в случае, когда уровень возможностей остается стабильным, в то время как уровень ожиданий растет: фрустрация связана с предъявлением обществу растущих требований, которые оно не способно удовлетворить. *Прогрессивная депривация* иллюстрирует известный парадокс коллективного насилия: как свидетельствует история, восстания и революции зачастую происходят не в периоды жесткого политического угнетения и нищеты, а в последующие краткие периоды послаблений и относительного роста благосостояния.

Эта концепция, получив широкое распространение в исследованиях, вызвала как конструктивные дополнения, так и критические замечания [5, р. 52-60]. В частности, предлагалось принимать в расчет в качестве необходимой предпосылки политического насилия "отсутствие личной *ответственности* за неспособность достичь желаемые цели". Исследователи ультраправых экстремистских движений акцентировали также внимание на том, что подобные феномены насилия могут и не опираться непосредственно на депривацию: возможна ситуация неудовлетворенности относительно условий (или перспектив) изменения статусного соотношения основных референтных групп, вызывающая фактор *статусного стресса*.

В целом подход, постулирующий причинно-следственную связь между внешними факторами социально-политической ситуации (*депривация*), психологическими predispositionностями индивидов (*фрустрация*) и актами агрессивного поведения (*насилие*), существенно потеснил традиционные представления об иррациональной и инстинктивной природе коллективного насильственного поведения. Методологическое допущение зависимости актов насилия от внешних факторов (факторов среды) в свою очередь ограничено моделью "рационального" поведения индивидов и, соответственно, его рациональным бихевиористским объяснением, предполагающим возможность предупреждения коллективного насилия посредством изменения факторов среды. Альтернативой такому пониманию выступает политика силовых репрессий в целях контроля над животными инстинктами, включая изоляцию "девиантных" личностей от "здоровой" части общества. Как считает С. Браш, при определенных обстоятельствах

политического насилия, которое связывается прежде всего с именем Н. Смелзера [10], утверждавшего, что антисистемные социально-политические движения произрастают из фундаментального неравновесия макросоциальных структур. Основу его теории составляет классификация шести факторов, каждый из которых достаточен для определенных протестных выступлений.

Фактор *структурного способствования* связан со степенью терпимости государственных институтов по отношению к социально-политическому протесту. Развитые, структурно дифференцированные демократические общества достаточно терпимы по отношению к проявлениям различных форм протеста. В таких обществах, различные институты - политические, религиозные, экономические, правовые - не отождествляются с государством. Поэтому возможен протест против действий отдельного института, не ставящий под сомнение легитимность самой государственности и политической системы. Напротив, в менее дифференцированных сообществах, где социальные и политические институты отождествляются с легитимностью системы в целом, всякий протест, воспринимаясь как насильственная угроза системе и государственности, вызывает ответную силовую реакцию. Фактор *структурной напряженности* соотносится с экономическими проблемами безработицы, бедности, политическими проблемами перераспределения доходов, статуса или власти между группами, внешними угрозами, войной и пр. Фактор *убежденности* зависит от распространения и развития систематизированных идей и представлений о причинах социальных проблем и возможных их решениях. К подобным системам идей и убеждений относятся основные идеологии (коммунизм, капитализм, демократия), религия, любые иные формы идеологий (национализм, антисемитизм и др.) *Ускоряющие факторы* имеют отношение к специфическим инцидентам и событиям, ускоряющим процесс кристаллизации социального протеста. Фактор *мобилизации участия* связан с организационными возможностями и ролью оппозиционных элит. Наконец, фактор *неэффективности социального контроля* связан со способностью социальной и политической систем контролировать и подавлять антисистемные движения, генерируемые предыдущими факторами.

Эффективность социального контроля имеет две формы: *кооптацию и принуждение*. Этот аспект теории Смелзера отражает сложную диалектику контроля и управления конфликтами и стабильностью в современном обществе. Поскольку предпосылкой политической стабильности признается способность граждан к адаптации во вновь сложившейся ситуации, используется стратегия кооптации, предполагающая расширение каналов коммуникации, проявление гибкости и, даже, приобщение к власти оппозиционных элит с целью устранения наиболее одиозных причин социальной напряженности. Другая стратегия связана с возможностью и готовностью системы подавлять растущий протест силовыми санкциями, которые определяются совокупностью факторов политической ситуации, традиций, политической культуры, психологии политических элит.

Прецеденты предотвращения взрыва антисистемного насилия посредством успешных военно-полицейских операций хорошо известны [11]. В то же время соответствие между уровнем протеста и уровнем санкций не всегда выдерживается: с одной стороны, избыточные санкции могут в некоторых ситуациях спровоцировать взрыв антисистемного насилия; с другой стороны, отсутствие возможности или готовности со стороны системы поддерживать прежний высокий уровень репрессий может быть воспринято как свидетельство слабости и как сигнал к усилению антисистемной активности.

Таким образом, структурный подход выявил существенные взаимозависимости и причинно-следственные отношения в области коллективного насилия. Развитие современного политического сообщества, основанного на принципе рациональности, предполагает существование встроенных механизмов адаптации и саморегуляции, амортизирующих антисистемный эффект политического насилия.

Структурно-функциональный (идеологический) подход опирается на теоретическое наследие Т. Парсонса, который, рассматривая общество как верховный элиминатор конфликта, придавал особое значение культуре, социальным институтам в сохранении и поддержании социальной стабильности. Он считал, что основным условием стабильности конкретной социальной системы является существование такой лежащей в ее основе "культурной системы", которая согласуется с внутренним механизмом потребностей ее акторов [12, р. 42]. Причем, этот механизм имеет два аспекта, связанных с "удовлетворением" и "ориентацией".

Первый из них, отвечая на вопрос, "что" он может получить во взаимодействии с объективным миром и сколько это ему "стоит", выражает "содержание" взаимоотношения человека с внешней средой, мерилом которого является органически характерное для каждой личности стремление к поддержанию положительного баланса между "получением удовольствий" и "избеганием лишений". Другой аспект - ориентационный - связан с вопросом, "как" организовать отношения с объектами внешнего мира, соответствуют ли эти отношения "интересам" личности [там же, р. 3—7]. На основе этого механизма действуют три функции любой социальной системы — *адаптация*, *интеграция* и *гармонизация*, достигается равновесие личностной, культурной, социальной систем.

Источник происхождения социального конфликта видится с этих методологических позиций в разрыве между доминирующими в обществе социокультурными ценностями и существующими в этом обществе структурами, в том числе политическими, что позволяет объяснить природу и масштаб политического насилия. Эта теория преодолевает слабости "экспрессивных", "психологических" подходов и в то же время смягчает крайности "инструментального" направления, объясняющего возникновение конфликта лишь внешними по отношению к человеку социальными условиями.

XX век войдет в историю как эпоха насилия, разрушения традиционных устоев, центробежных сил на национальном уровне и острых конфликтов в социальных отношениях. Всеобщий стресс становится уделом человека в условиях научно-технического прогресса, нравственные барьеры расшатываются, основные моральные ценности ставятся под сомнение, человека захлестывают волны страха и неуверенности. Ограничив применение силы в сфере межгосударственных отношений, человечество оказалось перед лицом взрыва внутривнутриполитического насилия, конфликта внутри государства. Взрыв внутривнутриполитического, антисистемного насилия, жертвами которого становятся страны с различными уровнями социально-экономического и политического развития, несхожими социокультурными, религиозными традициями и историческими судьбами, оказался серьезным вызовом современной социальной науке. Традиционные модели научного объяснения оказались неадекватными неконтролируемому, эмоционально окрашенному, внешние иррациональному и отклоняющемуся от привычных норм социальному поведению. В объяснении современных форм политического насилия, на наш взгляд, приобретает значение факт *неравномерности цивилизационного развития*, порождающий *ресурсный дефицит* отстающих в развитии социальных групп, а с ним и *дискриминацию* этих групп. Неравномерность развития, как и взаимосвязь государств в рамках международной системы, позволяющая правящим элитам опираться на внешний политический опыт, часто опережающий собственный, приводит к разностороннему движению политических систем, а в конечном счете, нередко и к их отрыву от собственного общества. Особенно это проявляется в ходе модернизации - процессе, неодновременном для различных этнических и социальных групп. В реальности проблема усложняется тем, что в каждый конкретный момент не только отдельные государства, но и их составные части - особенно в таких социо- и этнокультурно разнородных странах, как Россия, - находятся на различных уровнях цивилизационного развития, а значит — ориентированы на разные системы социокультурных ценностей.

Тенденция, в соответствии с которой "по мере усложнения организации систем происходит одновременно ускорение процессов развития и понижение уровня их стабиль-

ности" [13, с. 10], несомненно сопровождает модернизацию, в ходе которой взамен упрощенных тоталитарно-авторитарных режимов, появляются более сложные, но еще недостаточно эффективные демократическо-либеральные политические системы. Неравномерность цивилизационного развития при этом проявляется в противоречиях между разными "сообществами" в сфере политической культуры, политической идеологии, политической психологии и политического разделения труда, в способах достижения политических целей и, даже, в самой их постановке.

Подобная ситуация, получившая в науке название "конфликта ценностей", является основным источником социальной конфликтности, в том числе коллективного конфликтного поведения политического характера, поскольку каждое из "сообществ" стремится реализовать свои ценности чаще всего вне формально установленных политико-правовых норм и институтов, а иногда и вопреки им. Чем больше разрыв между господствующими в массовом сознании ценностями и существующими государственными структурами, тем более нестабильна политическая общность, тем более ее составные части склонны к насилию. И наоборот - чем больше соответствие элементов структуры государства уровню развития общества, тем более стабильна его политическая система, тем меньше уровень насильственной конфликтности государства.

Сравнение уровня социокультурного развития общества с его политическими структурами может привести к трем возможным ситуациям: *баланс между средой и политической системой* - наиболее благоприятный для политической стабильности результат, поскольку политические группы, чья активность превышает усредненный индекс социокультурного развития общества, взаимодействуют с системой в условиях сбалансированности с остальной частью общества; *развитость политической системы превышает социокультурное состояние общества* — эту ситуацию можно объяснить как следствие аномальности развития общества, порождающей, с одной стороны, безразличие, усталость и апатию массы в отношении политической системы, а с другой стороны, желание властей привести массы в "светлое будущее" даже с опорой на насилие; *социокультурное развитие среды опережает уровень развитости политической системы* - вариант, наиболее конфликтноопасный и непосредственно дестабилизирующий политическую систему.

Помимо этих трех логически прогнозируемых ситуаций, возможна и комбинированная ситуация, базирующаяся на втором варианте с элементами существования групп, опережающих уровень развитости общей политической системы. Такая ситуация проявляется в так называемых "позиционных" или "статусных" конфликтах, возникающих между новыми политическими группами и "старой" элитой из-за контроля над механизмом принятия политических решений.

На разных уровнях модернизации общество инициирует разные по характеру "возмущения" против политической системы: на ранних этапах модернизации - это, прежде всего, этническое насилие, нацеленное на сохранение традиционных устоев в рамках возникающей "национальной" политической общности, тогда как на более поздних этапах доминирует социально-экономическое по своей природе насилие, связанное с политическим режимом модернизирующегося государства.

Жизненные шансы никогда не бывают распределены в равной мере [14, р. 25]. Неравенство, возникающее уже в архаической *деревне* приводит со временем к социальному распаду, приобретающему форму бедности, миграции, этнической напряженности и институционального развала, создавая условия для политического насилия. Чем меньше равенства в распределении власти, тем больше людей, которые ощущают себя отчужденными, считают безответственными как осуществляемую властями политику, так и поддерживаемые ими правила поведения, оправдывая этим гражданскую борьбу - конфликт внутри государства.

В современных условиях издержки неравномерности развития усиливаются *ресурсным дефицитом*, имеющим три источника: *деградацию или истощение ресурсов*,

увеличивающееся *потребление ресурсов* (с учетом роста населения) и *неравное распределение*, которое позволяет относительно немногим людям иметь доступ к ресурсам и подчиняет остальных дефициту. Независимо от источника он никогда не является единственной причиной насилия. Более того, конфликт появляется лишь тогда, когда дефицит энергично взаимодействует с экономическими, политическими и социальными факторами, способствуя сокращению сельскохозяйственного производства, экономическим лишениям, миграции людей из районов ресурсного стресса и напряженности внутри и среди групп. В этом случае он, как правило, вызывает распад легитимных властных институтов и социальных отношений.

Поскольку групповая сплоченность помогает выживанию, в ситуациях ресурсного дефицита межгрупповая конкуренция на базе сопоставимых целей соответственно возрастает. "Если этнические и культурные группы продвигаются вперед вместе в условиях депривации и стресса, нужно ожидать межгрупповой враждебности, в которой одна группа будет придавать особое значение своей собственной идентичности, пороча, дискриминируя и атакуя всех остальных" [15]. Как результат - возникновение неудовлетворенности среди населения, которое, при снижении способности государственной власти противодействовать насильственным коллективным действиям, очень часто приводит к захвату ресурсов одними и экологической маргинализации других.

Ресурсный дефицит, редко становясь непосредственной причиной межгосударственной войны, углубляет, таким образом, конфликты внутри государств, порождая гражданскую борьбу. Международное сообщество может воздействовать на нее, если она развернулась внутри стратегически или экономически важного региона, если соответствующая страна обладает оружием массового уничтожения или если насилие создает массовые потоки беженцев через международные границы. Эта борьба может также провоцировать утративших безопасность режимы на авторитаризм, а следовательно, на агрессивность в их внешних отношениях.

Дискриминация (социальная, экономическая, политическая) как явление предполагает наличие определенной системы ценностей, которой руководствуется человек, сравнивая свое положение с другими членами общества. В обществе, где существуют группы, действующие на основе собственной системы ценностей и порой вопреки формально установленному правопорядку неизбежно возникают условия для структурной напряженности. Дискриминация ведет к утрате формально действующими нормами права необходимого им свойства *легитимности* - веры в правомерность существующего порядка вещей, которая, называясь "социокультурой", закладывается в человека в процессе его социализации и составляет, иногда незримую и иррациональную, ткань "картины мира" в форме мифов, ритуалов и религиозных представлений. Кроме этого, дискриминация групп, часто утративших в прошлом свою автономию, создает условия для перерастания латентной оппозиции в *потенциальный сепаратизм*, возрастающий в зависимости от того, была ли эта группа инкорпорирована в государство по своей воле или на основе международного соглашения, либо она была насильственно завоевана до или в текущем столетии. "Конфликт ценностей", сопровождаемый как отчуждением и утратой в глазах дискриминируемой группы легитимности власти, так и нередко ресурсным дефицитом, порождает в качестве поведенческой предрасположенности этой группы *политическое насилие*.

Если обратить внимание на эволюцию концепции модернизации, то можно заметить, что ее ранние варианты предполагали преодоление конфликтов в переходных обществах по мере достижения "развитости", позволяющей населению воспринять современные нормы, ценности и формы поведения. Меры ускоренной модернизации "развивающихся" обществ были призваны разрешить эту задачу, однако рост насилия в этих странах нередко приводил к краху модернизационных усилий. Господствовавшая в послевоенный период методологическая парадигма, исходившая из иррациональной и девиантной природы коллективного агрессивного поведения, привела к серьезным ошибкам в формулировании и реализации внутривнутриполитических и внешнеполитических программ. Попытка преодоления узости и упрощенности модерни-

зационных теорий была предпринята в рамках *институциональной концепции* (как разновидности школы модернизации) С. Хантингтона.

Он утверждает, что причины насилия и нестабильности, от которых страдают развивающиеся страны, надо искать в *разрыве между развитием политических институтов и процессами изменения экономики и социальной системы*, и формулирует гипотезу, согласно которой *не абсолютная нужда и нищета, а желание большего, жажда богатства и модернизации вызывает насилие и нестабильность*. Он напоминает, что в странах, где идет модернизация, *насилие, как правило, генерируется не беднейшими и угнетенными слоями, но сравнительно благополучными и относительно обеспеченными strатами общества*.

Формулируя *"гипотезу скачка"*, Хантингтон утверждает, что социальная мобилизация является фактором нестабильности, более значимым, чем экономическое развитие. Урбанизация, образование, средства массовой информации предлагают традиционному человеку новые жизненные блага, новый досуг и новые возможности удовлетворения потребностей. В свою очередь, эти ценности ломают барьеры традиционной культуры, традиций и обычаев и поднимают на новый уровень потребности и запросы человека. Однако возможности удовлетворения этих запросов со стороны общества в переходном периоде не успевают за ростом потребностей, скачок или разрыв между запросами и ожиданиями увеличивается. Этот скачок генерирует социальную неудовлетворенность, которая проявляется в политических требованиях, в ускоренной мобилизации и росте политического участия. Поскольку же отсутствие или неразвитость политических институтов не дает возможности придать этим требованиям характер согласованных решений, интенсификация процесса политического участия приводит к нестабильности и насилию.

Развитие политической системы и ее стабильность, находясь, таким образом, в зависимости от взаимодействия процесса институционализации и политического участия: если процесс участия новых групп в политической жизни расширяется, то должна ускоряться и институционализация. Отставание развития политических институтов от социально-экономических изменений ведет к нестабильности [16, p. 266].

Многие ученые рассматривают политическое насилие и нестабильность как синонимы [1, p. 2; 17]. Выполняя функции организации по отношению, в первую очередь, к собственному обществу и своим гражданам, государство сохраняет свою стабильность прежде всего за счет соответствия в процессе развития своей политической системы уровню цивилизационного развития общества - доминирующему в нем типу социокультуры. Группы, члены которых не могут реализовать свои потребности через разделяемые ими системы ценностей, а вынуждены в процессе удовлетворения потребностей соотнобразовывать свои действия с официальными или фактически господствующими политическими или правовыми нормами и институтами, не могут оказать необходимого государству *доверия*, они *отчуждены* от государства, поскольку не согласны с "теми процессами, посредством которых управляется страна". Это несогласие граждан с нормами и процедурами, со структурой политических отношений или, иными словами, правилами политической игры, формирующимися в рамках того или иного государства, создает *недовольство*, выраженное как вызов власти. Когда обиды артикулируются группами, организованными по такому социальному расслоению, как этничность или религия, возможность гражданского насилия увеличивается.

Схема *зависимости политического насилия от уровня неравномерности развития* объясняется возникновением, с одной стороны, *политически дискриминируемых групп*, элиты которых, в первую очередь, готовы противодействовать неравенству, а с другой стороны, *ресурсного дефицита*, укрепляющего политическую дискриминацию группы. По этим причинам стремящиеся к модернизации государство, не решив проблемы изживания традиционализма, оказывается перед нарастающей угрозой *собственной политической нестабильности* не только со стороны общества, но и за счет *собственного режимного и внутрисистемного насилия*. Только готовность существующей

политической системы реагировать на генерируемые обществом импульсы трансформации и развития способна предотвратить политическое насилие.

В качестве краткого итога рассмотрения эволюции взглядов на проблему политического насилия можно отметить, что углубление представлений о неравномерности цивилизационного развития, сохраняющейся роли государства в жизни общества и в глобальных процессах способствуют интеграции различных концепций и методологий в анализе форм конфликтов, событий, процессов, сопровождающихся насильственными действиями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Sanders D.* Patterns of Political Instability. N. Y., 1981.
2. *Freud S.* Civilization and Its Discontents. L., 1930.
3. *Feshbach S.* Dynamics and Morality of Violence and Aggression: Some Psychological Considerations // American Psychologist. 1971. Vol. 26.
4. *Gurr T.R.* Why Men Rebel. Princeton (NJ), 1970.
5. *Gupta D.K.* The Economics of Political Violence. The Effect of Political Instability on Economic Growth. N.Y., 1990.
6. *Brush S.G.* Dynamics of Theory Change in the Social Sciences: Relative Deprivation and Collective Violence // The Journal of Conflict Resolution. 1996. Vol. 40(4).
7. *Rapoport A.* The Origins of Violence: Approaches to the Study of Conflict. N. Y., 1989.
8. *Weber M.* The Theory of Social and Economic Organisation. N. Y., 1947.
9. *Dahl R.A.* Modern Political Analysis. Englewood Cliffs, 1963.
10. *Smelser N.* Theory of Collective Behavior. N. Y., 1963.
11. *Gamson W.A.* The Strategy of Social Protest. Homewood (IL), 1974.
12. *Parsons T.* The Social Systems. L., 1967.
13. *Mouceev H.H.* Универсальный эволюционизм // Вопросы философии. 1991. № 3.
14. *Dahrendorf R.* The Modern Social Conflict. An Essay in the Politics of Liberty. L., 1988.
15. *Percival V., Homer-Dixon T.* Environmental Scarcity and Violent Conflict: The Case of Rwanda. University of Toronto, 1995. P. 5.
16. *Huntington S.P.* Political Order in Changing Societies. New Haven, 1968.
17. *Loewenberg G.* The Influence of Parliamentary Behaviour on Regime Stability // Comparative Politics. 1971. Vol. 3. P. 181-182; *Hurtwitz L.* Contemporary Approaches to Political Stability // Comparative Politics. 1973. Vol. 5 P. 449.